

ИВАН БЫКОВ

БЮРО
ВЕЧНЫХ
УСЛУГ

Аннотация

«Бюро Вечных Услуг» — вторая часть оригинального триптиха, продолжение романа «Унаги с маком». Читатель вновь проведет насыщенную неделю с Нестором и его семьей, посидит с главным героем в «Варяке» за кружкой пива, выпьет изысканного вина в «Доме Диониса», посетит чужие сны, станет свидетелем коварных измен и кровавых баталий. Миры Трилоки, в стремлении сохранить гармонию, противостоят глупости, меркантильности, ограниченности власть имущих. Сможет ли простой учитель истории в очередной раз спасти мир? Роман представляет собой активную зарядку для пытливости разума и рассчитан на подготовленного читателя старше 18 лет.

Иван Быков

Бюро Вечных Услуг

*«Врачи, преподаватели, люди искусства.
Конечно, и среди них есть отступники и предатели.
Но если и осталась в жизни какая-то надежда,
вся надежда — на них. Немногих. На нас».*
Джон Фаулз, «Коллекционер».

1

Нина кричала, Нина вопила, глухо — в дальней комнате дома, в гостиной, — вопила глухо и бесконечно. Нестор с досадой глянул на свои руки — они были в грязи, как, впрочем, и другие части обнаженного тела. Под вечер прошел достаточно резвый летний дождь, и земля все еще была влажной. Двор был освещен скупо — желтым светом, пробивавшимся из-за легких штор на кухне и в гостиной. Луна пряталась за темными массами то ли облаков, то ли туч.

«Нужно спешить, а то связки сорвет», — подумал Нестор и заторопился: постарался тихонько проскользнуть в прихожую. Не получилось. В темноте он неуклюже задел вешалку. Та радостно рухнула со свистящим шелестом:

нейлоновые куртки раскинули по полу свои скользкие рукава. Нина закричала с новой силой. Теперь ее звонкий, но уже с хрипотцой голос не глушила каменная стена:

— Нестор! Нееестоооор!

Не заботясь более о конспирации, Нестор влетел в гостиную — голый и грязный. Нина быстро перетаптывалась с ноги на ногу на диване — пыталась на месте сбежать от кого-то. Она, забившись в угол, к животу, как щит, прижимала небольшую подушку-думочку. Глаза Нины были наполнены ужасом.

— Нестор! — орала она, не замечая мужа. — Змея! Змея, Нестор!

— Да тихо ты! — шикнул Нестор на жену. — Какая змея? Нет тут змей.

Он медленно, но уверенно высвободил думочку из побелевших Нининых пальцев. Жена прижала кулачки к груди. Переминалась она все медленнее, пока вовсе не затихла. Бегство от воображаемой змеи закончилось. Ужас выплескался из глаз бессильными слезами.

— Я вышла... петрушки... там, у смородины... серая...

Нина всхлипывала, сгибая дрожащие колени, пока не сжалась в комок на угловом диване.

— Где ты б-был? — наконец, всхлипнув в последний раз, успокоилась она.

— В душе, — не любил Нестор врать, но правду Нина и не ждала.

— Почему грязный? — Нина провела пальцем по плечу мужа и показала комочек земли.

— Не успел даже воду включить. Ты заорала.

— Так змея же, — Нина как будто оправдывалась, трогательно, по-детски. Нестору захотелось обнять жену, защитить от всех змей Вселенной, но сдержался — лишь бы не испачкать.

— Змея, — повторила Нина. — В огороде, у куста смородины. Я вышла петрушки нарвать. Серая, длинная. Гадюка? — Нестор заметил, как беспокойство в глазах жены вновь стремиться стать ужасом.

— Нет, не гадюка, — поспешил заверить он. — И даже не уж. Здесь не живут змеи.

— Но я же видела, — неуверенно настаивала Нина.

— Думаю, это хорек. — вдруг нашелся Нестор. — Я недавно видел объявления — развешаны в нашем городке.

— Какой хорек? — недоверчиво спросила Нина. — Какие объявления?

— Обычный домашний хорек. — Легенда была основательной, теперь Нестор мог строить свою неправдивую версию уверенно, хоть и без удовольствия. — Сейчас некоторые держат. Вместо кошки. Правда, зверушки эти беспокойные и

кусачие. И сбегают часто — в любую щель просочатся. А бегут куда?

— Куда? — Нина широко раскрыла доверчивые глаза.

— В частный сектор, — улыбнулся Нестор покровительственно. — Здесь многие кур держат. Вот хорьки сюда и бегут. Сколько хорька не корми...

— Они серые? — решила окончательно обмануться Нина.

— Почти! — убедительно заверил Нестор. — А уж ночью, так вообще — все хорьки, как говорится, серы.

— Все кошки, — улыбнулась Нина.

— И кошки тоже, — согласился Нестор. — Я в душ.

— Я с тобой! — потребовала Нина.

— Идем, — кивнул Нестор. — Спину потрешь.

Нина была согласна тереть спину — лишь бы не оставаться наедине со змеевидным хорьком, пусть и домашним, но серым и потому пугающим.

Они вместе навели порядок в прихожей — установили вешалку на место, распределили одежду по крючкам. Потом пошли в душ. Сначала Нина молча стояла и глядела сквозь мужа. Не беспокоила его вопросами: почему грязный? почему голый? Боялась услышать ложь, а потому не заставляла врать.

Нестор смывал с тела следы своего путешествия. Он все никак не мог простить себе предельную небрежность — так напугать жену.

Потом Нина решила исполнить обещанное. Она решительно разделась и залезла в тесную для двоих кабинку душа — тереть мужу спину. Нина мылила мужа старательно — спину, грудь, ягодицы. Потом мыло оказалось в руках у Нестора. Потом они целовались — под горячими струями. Мыло гулко упало на дно кабинки и скользнуло к трапику вместе с течением пенного водоворота.

Из душа они вышли усталые, и он, и она — закутанные в широкие банные полотенца. На кухне Нина молча достала две коньячки из настенного шкафа и начатую бутылку итальянского бренди из бара. Плеснула — себе чуть-чуть, мужу — от души. Вездесущая кошка взобралась Нестору на колени.

Нестор был благодарен жене за неожиданно проявленную чуткость. Вечерний коньяк был весьма кстати. Так же, как и деликатное молчание. День оказался длинным и насыщенным. И почему бы: каникулы, отпуск, суббота, Антон гостит у Софьи Николаевны и Ивана Несторовича. Но...

Но утром позвонил Кир...

2

Телефон решил проснуться часов в десять.

Нестор только успел поставить на стол свой любимый субботний завтрак: поджаренный с кольцами лука бекон, залитый глазуньей из трех яиц. Все это великолепие он густо присыпал резаным зеленым луком и молотым черным перцем. На столе вокруг широкой плоской тарелки расположились: еще теплые тосты; пакет острого томатного соуса; масло под стеклянным колпаком; столовые приборы; пустая пивная кружка — из морозильника, а потому покрытая матовой патиной. Нестор уже успел включить телевизор и в ожидании, пока электронный мозг нащупает сеть и загрузит основное меню, открывал первую, самую долгожданную бутылку пива. Без нее суббота тоже не считалась пока «открытой».

Телефон звонил. Сколько лет уже прошло с начала эпохи мобильных средств связи, а телефон по-прежнему звонит. Да, вместо звонка играет выбранная тобой мелодия, но телефон все же не играет, а звонит. Сила традиции.

Нестор с тоской посмотрел на остывающее блюдо и на теряющую морозную свежесть кружку, а потом все же принял вызов, хотя и не был уверен, что в голосе его будет искриться радушие:

— Да, Наставник.

— Разбудил? — ровно спросил Кир.

— Нет, оторвал, — честно признался Нестор.

— От секса или от завтрака?

— От завтрака. Секс мой уехал в город — завозить плод этого самого секса к первопричине этого самого секса.

Кир помолчал, потом так же ровно спросил:

— Ты уже крикнул с утра?

— Только собирался.

— Тогда переведи, — попросил Наставник.

— Перевожу, — любезно согласился

Нестор. — Нина увезла Антона к моим родителям. На выходные. Вернется вечером. Чтобы мы могли вспомнить молодость и насытиться первобытной страстью.

Кир снова помолчал, накладывая перевод на оригинал. Сошлось. Нестор даже почувствовал, как Наставник, наконец, кивнул на том конце телефонного разговора.

— Так ты сам?

— Выходит, сам. Завтракать сажусь, — еще раз напомнил Нестор.

Наставник снова невидимо кивнул. Потом спросил:

— Приедешь в «Варяк»?

— Сегодня? — замаялся Нестор. — Зачем?

— Сегодня девять месяцев, — просто напомнил Кир.

— Да? — Нестор был озадачен: он, честно говоря, вовсе не вел счет месяцам, минувшим с тех трагических событий в октябре прошлого года. Но

раз Наставник говорит, что девять месяцев — это срок знаковый, то следует верить. — Будем поминать?

— Будем, — подтвердил Кир. — Жду через два часа. Приятного аппетита.

Нестор отложил телефон. Совсем не хотелось ехать в город. Не идти пешком в маленький пригород, лежащий тут же, рядом, рукой подать, а именно ехать — вызывать такси и ехать в большой и суетный город. Субботние планы были иными: пиво, телевизор, книги. Вечером — прогулка к морю, жареная форель, бутылка-другая белого вина и жена. Простые радости простого человека.

— Видишь, Ка-Цэ, — обратился Нестор к маленькой кошке пестрой масти, свернувшейся на кухонном стуле. — Не дают нам с тобой покоя.

— Мяу? — переспросила Ка-Цэ, поднимая голову и щуря глаза.

— И тем не менее, завтраку — быть! — утвердил Нестор и нашел в меню телевизора новостной канал. Диктор радостно затараторил о грустном, нещадно перевирая факты и их причины, а также интонацию предложений и произношение слов. Диктор создавал общественное мнение, легко, без задней мысли и какой-либо собственной идеи, не «за совесть», а за зарплату, вкладывал доминирующую доктрину в неспособные к сопротивлению ленивые разумы. И для этой

ответственной миссии необходимо было перевернуть факты, интонацию и произношение.

— Вся просодия этой Взвеси, все тонкие нити мировой гармонии — к черту! — с досадой пожаловался Нестор трехцветной кошке.

Ка-Цэ была согласна. Настолько согласна, что покинула нагретое место на стуле и грациозно вознеслась Нестору на колени. С целью восстановления мировой гармонии. Стало неудобно, однако согнать этот маленький мурчащий генератор было бы кощунством.

Кошка проявилась в сказочном пространстве Кисельной улицы с первых дней «великого переселения». «Великим переселением» Нина назвала семейный выезд на все лето в маленький уютный дом номер восемь в пригороде. Перебралась семья только в первых числах июня, хотя Кир предложил Нестору обосноваться на Кисельной, 8 в первые же дни после битвы у Белого Ясеня.

— Нас теперь мало, мой юный падаван. Нас крайне мало, — посетовал тогда Наставник. — Каждый Наг — это сокровище Раджаса. Наг же Четвертого дна — бесценный раритет. Контора хочет — нет! Контора жаждет! — чтобы ты всегда был под рукой.

— Под хвостом, — отшутился Нестор. — Какие руки у Нагов?

— Не язви, — настаивал Кир. — Дом все равно пустует теперь, после ухода Семена. Намекни Нине, что я попросил: за домом следить, за участком.

— Да не захочет она. Скажет, что в глушь ее заточил.

— Так, Кощей, не морочь голову. Давай вместе уговорим твою Василису Капризную. В школу Антону только в сентябре. Ты на работу на своем «Змее» будешь ездить...

— Зимой? — усмехнулся Нестор.

— Да какие у нас зимы? — неуверенно возразил Наставник.

— Бывают разные. Да и в «Варяк» не сходишь, если на «Змее». Я же не пью за рулем, — привел Нестор самый веский довод. — Нет уж, благодарю. Да и зачем все это?

— Щель под боком, — грустно сказал Кир. Он уже смирился: Нестор не переедет за город.

— «Искать щель — субстанциональная, инклюзивная обязанность Нага», — вспомнил Нестор слова Наставника. — Нет. Пока нет. Может, летом?

Так Нестор, Нина и Антон стали на время сельскими жителями. И незаметно, как по велению некоего волшебного закона, в соответствии с исконной сказочной логикой — вот те изба, вот те кот — в семью вошла на мягких, но когтистых

лапах трехцветная Ка-Цэ.

3

Имя материализовалось вместе с самой кошкой и, претерпев ряд быстрых трансформаций, воплотилось в ёмкое Ка-Цэ. Случилось это так.

В самом начале июня «Daewoo» серого цвета с маячком на крыше устало вздрогнул у калитки аккуратного домика. Нестор выбрался из машины и поспешил открыть заднюю дверцу, но Нина уже высвободилась из объятий автомобильного кресла сама. Антон посапывал на заднем сидении — по мокрому асфальту из города ехали минут сорок.

Грунтовая дорога была присыпана желтой жерстью. В ясные, сухие дни ярко-желтая грунтовка радовала глаз и вызывала в памяти вполне объяснимые ассоциации с фантастическими историями Лаймена Баума. Но после ночного июньского дождя — даже в лучах утреннего солнца — дорога была бурой, слякотной, в частых проймах зеркальных луж.

Нестор рассчитался с водителем, постаравшись задобрить его чаевыми. Не помогло: таксист был по-утреннему хмур и неразговорчив. Оплата, названная диспетчером, по его — водителя — профессиональному мнению, не стоила сил, времени и ресурсов, затраченных на этот непростой

извоз: путь был неблизким, цель располагалась за городом, подъездные дороги местами развезло. Машину теперь нужно было мыть, попутчиков назад вряд ли найдешь, — в общем, обычный штурм клиентского кошелька. Но Нестор не любил попадать в неловкие ситуации, а данная ситуация казалась ему крайне не ловкой. Он поспешил откупиться и от водителя, и от мнимого конфуза.

«Daewoo» достаточно неуклюже развернулся, практически потыкавшись бамперами в ворота по сторонам улицы, и обиженно укатил в город, оставив Нестора, Нину и заспанного Антона у калитки дома номер восемь. Нестор держал сумку с вещами в левой руке, а правой пытался попасть ключом в дверной замок. Ему это удалось, калитка скрипнула, впуская новых жильцов за кирпичный забор. В этот же момент проснулся Антон.

— Смотрите, какая кошка! — живо воскликнул мальчик. — Цветная!

По ту сторону дороги, там, где зарос бурьяном пустой, еще не застроенный участок, сидела кошка.

— Кс-кс-кс! — позвал Антон. — Какая ты... куцая!

Кошка действительно была куцей, маленькой, как бы игрушечной. Хотя почему-то не возникало сомнений в том, что это взрослое животное. Кошка тогда впервые заговорила.

— Мяу? — недоверчиво спросила она. Эта

вопросительная интонация, как выяснилось впоследствии, была перманентной особенностью нового питомца в любом разговоре с новыми своими хозяевами. Ни с кем более кошка не разговаривала из аристократических соображений.

— Иди к нам! — подтвердил свое приглашение Антон.

— Не нужно! — вмешалась Нина. — Это чейная кошка. Видишь, какая она чистенькая?

— Чья-то, — исправил Нестор.

— Слышишь? Папа тоже говорит, что кошка хозяйская, — невозмутимо проигнорировала поправку Нина. — Идем в дом.

Но было поздно: «куцая» уже маршировала через дорогу в новую жизнь. Именно маршировала — так Нестор обозначил этот кошкин анабазис. Животное отважно лавировало между зеркалами луж, высоко и ритмично поднимая лапы, боясь промочить их или испачкать. Если включить маршевую музыку, то зрелище было бы презанятым.

— Die Katze marschiert, — непроизвольно произнес Нестор, почему-то по-немецки.

— Ка-Цэ? — спросил Антон. — Мне нравится! Так ее и назовем.

— Нет, — улыбнулся Нестор, — Я сказал «die Katze» — «кошка» по-немецки. А Ка-Цэ — это другое, так спички называли в одном фильме.

— А почему спички так называли? — Антон требовал объяснений.

— Ну, — замялся Нестор, не зная, как сложнейшую парадигму этой философской универсалии передать простым, доступным языком детства, — Ка-Цэ в том фильме — это не просто спички...

— Волшебные? — обрадовался Антон. — Я помню этот фильм! Там один мальчик ломал спички и его желания исполнялись. Там еще робот был смешной — звали Балбес.

— Нет, — терпеливо возразил Нестор. — Тот фильм, о котором ты говоришь, называется «Тайна железной двери». А я говорю о другом фильме — о «Кин-дза-дза!».

— Тоже видел, — важно кивнул шестилетний Антон.

— Не думаю, — улыбнулся Нестор. Мальчик обижено насупился, пряча за обидою стыд: он, как и его папа, не любил попадать в неловкие ситуации.

А Нестор все никак не мог сложить нужные слова. Как ребенку рассказать об индексе социальной дифференциации? Об универсальном эквиваленте всего и вся? О жутком перевоплощении культурного опыта целой цивилизации в нелепые КЦ — в ничтожные суррогаты великого духа?

— Ка-Цэ в том фильме не были

волшебными, — наконец пояснил Нестор. — Спички просто использовали там вместо денег.

— Понятно, — кивнул Антон, хотя уже не слушал никаких объяснений. Он и предмет беседы давно упустил из виду: кошка успела перемаршировать через слякотную жерству Кисельной улицы. Теперь пестрое животное возлегало на плече Антона — пачкала новую ярко-зеленую футболку и генерировала тракторное мурчание.

— Ка-Цэ! — погладил мальчик трехцветную шерстку. — Идем в дом. Будешь с нами жить.

Нина беспомощно вздохнула, а Нестор по этому случаю вспомнил:

— Есть такая присказка: «все равно, что кошку в дом тащить».

— И что это значит? — спросила Нина.

— Не скажу точно, — засомневался Нестор. — Что-то вроде: может и мышь поймать, может и посуду разбить; может с ребенком поиграть, а может и мебель разодрать. Другими словами, кошка в доме — жди неожиданностей.

— Зачем ты все это говоришь? — спросила Нина, которая сама только что требовала разъяснений. — Ты против кошки?

— Нет, я сказал это лишь для общего сведения. Просто в качестве бытовой информации, — вздохнул Нестор.

— Кстати, — насторожилась Нина, — в доме есть мыши?

— Нет, — поспешил заверить Нестор. — Только змеи.

Нина тогда не улыбнулась. И, как показал сегодняшней вечер, — не зря.

А Ка-Цэ с того дня стала жить вместе с ними. Прежний ее хозяин — если он был — так и не объявился.

4

Тамара разливала пиво, грузчик Володя гремел стальными кегами в волшебном закулисье. Нестор не был в «Варяке» уже более месяца, но здесь время замерло, как в сказочном королевстве. Все было по-старому.

Кир одиноко занимал большой деревянный стол с растрескавшейся столешницей, за которым могли комфортно разместиться человек восемь. Народу в пивной было много. Нестор не без оснований подозревал, что Наставник использовал один из своих безобидных, но действенных гипнотических приемов. По случаю поминовения Семена Кир держался строго, хотя в глазах его таились неотъемлемые задорные искры.

Нестор направился к стойке, откуда и приветствовал Наставника, помахав рукой. Кир

помахал в ответ.

— Забыли нас? — поинтересовалась Тамара, винодел по профессии, бармен по призванию.

— Как можно! — искренне возмутился Нестор. — Каникулы, мы за город перебрались. Временно!

— Променяли наше пиво на сельский самогон?

— На это я пойти никак не могу! — браво отрапортовал Нестор. — Две «Баварии», будьте добры.

— И кольца? — напомнила Тамара.

— И кольца! — весело согласился Нестор.

Кир поднял кружку в приветственном тосте. «Сдвигать бокалы» не стали — не тот повод. Треснул пакет с кольцами кальмара. Нестор поспешил сделать свежий глоток, пока не осела пена. Помолчали.

— Как Нина? — наконец спросил Кир. — Освоилась?

— Спасибо, — поблагодарил Нестор. — Привыкает понемногу к загородной жизни. Первое время маялась. Помните, как Алиса у Высоцкого: ««Почитай», — я сажусь и читаю, «Поиграй», — и я с кошкой играю. Все равно я ужасно скучаю...».

— Там замечательная библиотека, — подтвердил Кир. — Есть, чем заняться. Ну, кошку, извините, не предусмотрели.

— Она сама себя предусмотрела, — улыбнулся Нестор.

— Кто? Нина? — не понял Наставник.

— Кошка, — пояснил Нестор. — Трехцветная приبلуда. Живет теперь с нами. Пока хозяин не объявится. Кстати, не знаете, чья может быть такая?

— Нет, — задумался Кир. — Надо заехать к вам. С новосельем поздравить. А то уже почти два месяца, как на новом месте, а я еще ни разу не гостил. И на кошку глянуть заодно.

— Разочаруетесь. Обычное маленькое животное. Правда, довольно милое. А заехать — да! — надо, — радушно объявил Нестор. — Нина часто спрашивает. Шашлык замариную. Коньяк откроем.

— Не люблю летом коньяк, — внес Наставник веские коррективы в план. — Летом пиво люблю. Вино холодное.

— Не проблема, — заверил Нестор. — По дороге мидий возьмем на Переправе. Кстати, о пиве: Вам обновить?

Через некоторое время Нестор вернулся от стойки к столу, неся в каждой руке по две полных кружки. Выпили за встречу. Теперь уже можно было звякнуть краем бокала о край, символически обмениваясь пеной в знак дружбы и взаимного доверия.

— Когда я спрашивал о Нине, — снова

заговорил Кир. — Я имел в виду другое. Так освоилась ли?

Нестор понимал, о чем спрашивает Наставник. Говорить на эту тему не очень-то и хотелось. Но тем не менее вопрос прозвучал.

— Делает вид, — неохотно ответил Нестор. — Играет в игру. Вернее, думает, что я играю в игру. И подыгрывает. В меру своих женских сил и понимания.

— Отличное состояние! — неожиданно обрадовался Наставник. — Как и у моей Ларисы — активная репрессия.

— Я бы сказал, регрессия, — вздохнул Нестор. — Чуть мужа не потеряла, а все для нее игрушки.

— Ну, объективно говоря, мужа бы она не потеряла, — исправил Наставник.

— Как же? Сколько наших тогда полегло в битве! — возразил Нестор. Его давно интересовало, каким образом в иллюзорном мире Взвеси удалось объяснить одновременную гибель такого количества людей: и Нагов, и городских магов. Но сам он спросить не решался, а Наставник молчал. И вот неожиданно решил внести ясность.

— Много, — кивнул Кир. — Наших полегло много. И пауков этих мы обратили в жижу немало. Но здесь, во Взвеси, они остались живы и здоровы. Вот только перестали быть Нагами и городскими

магами.

— Но как? — Нестор был изумлен, хотя подобная мысль приходила и без теперешних откровений Наставника.

— Обычно, — пожал плечами Кир. — Они обычно стали обычными людьми. Наги утратили способности, перестали «видеть душой», забыли о Раджасе. Для городских магов — еще проще: их меркантильное естество настолько вписывается в создаваемую иерофантами экосистему, что они и так ничем не отличаются от обычных людей. Разве что — более материально ориентированы, менее принципиальны, а потому более успешны. Успешны в том понимании, которое постулирует индекс ССС...

— Простите? Индекс ССС? — переспросил Нестор, показывая, что он внимательно следит за разговором.

— Индекс ССС, — повторил Кир. — Степень соответствия системе. Но об этом позже поговорим. Так вот, если мы, Наги, осознаем наше Нагово естество, то городскому магу понимание собственной природы претит, оно ему не нужно, стало быть, — недоступно. Просто после битвы у Белого Ясеня тысячи людей — бывших городских магов — стали больше думать о других и вечном и меньше думать о себе и сиюминутном. Как вернешься на Кисельную, посети муравейник.

Встретимся вечером в Конторе. По твою душу бумага пришла. С самого Дна.

— А как же Волх? — спросил Нестор, оставляя пока за скобками приглашение посетить сегодня Раджас.

— Семен Немирович умер. Взял — и умер. Одновременно умер и черно-белый Дракон. Два существа ушли вместе: Дракон и человек. Вернее, две сути одного существа.

— Зачем? — вот теперь Нестору стало грустно; накатило.

— А иначе нельзя было, — развел руками Наставник. — Такова была цена, которую сам Семен назначил за нашу Взвесь. Сам назначил, сам заплатил.

— Жертва? — подвел черту Нестор. — Жизнь целого Дракона за бытие какой-то одной Взвеси?

— Не за жизнь, — отрицательно покачал головой Кир. — Вы знаете, что такое суксессия?

— Нечто из биологии? — пожал плечами Нестор. — Я же историк. Естественные науки — иное поле, не мое.

— Не беда, — заверил Кир. — Я Вас просвещу. Пусть Вы не биолог, но тоже интеллигентный человек. Так что наверняка помните, что такое экосистема?

— В общих чертах, — смутился Нестор. — Некая среда обитания для определенных видов

растений и животных. Сбалансированная среда.

— Именно — сбалансированная! Но не только для организмов, — поправил Кир. — Экосистема — это сбалансированная среда для любого явления, от мобильного телефона до целой культуры, цивилизации. И система эта не статична. Она постоянно подвергается изменениям. Производители телефонов создают вокруг новых моделей новую экосистему, включающую соответствующие гаджеты, программное обеспечение, аксессуары. Каждая культура создает благоприятную для себя среду — языковую, этическую, экономическую. Изменения происходят под воздействием внешних, а главное — внутренних факторов. Этот процесс всевозможных метаморфоз экосистемы и называется сукцессией. Пока все прозрачно?

Нестор кивнул — у него действительно пока не возникало никаких вопросов.

5

— Так вот, — продолжил Кир, — сукцессия ведет к некой финальной форме, к некому оптимальному содержанию. Это наиболее сбалансированное состояние экосистемы называют климаксным.

— К чему все это? — рискнул перебить

Нестор.

— К тому, что Вы, мой друг, будучи героем битвы при Белом Ясене, спасшим нашу Взвесь от великой катастрофы, как я вижу, так и не поняли сами, за что сражались.

Как объяснил Наставник, тогда, девять месяцев назад, у Мирового дерева не искали ответ на вопрос «быть или не быть?». Нет, в жестоком бою определяли какой именно быть нашей Взвеси. Ее — Взвеси — экосистема обладает колоссальной внутренней устойчивостью. Баланс был бы сохранен при любом исходе. Вот только представления об оптимальном содержании этого баланса у Раджаса и иерофантов абсолютно разные.

— Провисела бы наша Взвесь черным яблоком у самой травы еще не один миллион лет. Мы просто сделали яблоко несколько светлее, — подвел итог Кир. — И противостояние, как сам понимаешь, еще не закончено.

Нестор почувствовал, что вот сейчас и начнется, собственно, разговор. Не на поминки — ох, не просто на поминки — позвал Наставник своего подопечного.

Тут Нестор вспомнил, что привез Наставнику подарок. Порывшись в перекинутой через плечо планшетке, он положил перед Киrom на стол затертую, замусоленную салфетку. На салфетке рукой Семена Немировича Волха было выведено

два коротких слова латиницей: «PIN» и «DOS».

— Нашел недавно в кармане, — пояснил Нестор. — Тогда, у Белого Ясеня, совсем о ней забыл. Вот и осталась.

— Personal Identification Number. Disk Operating System, — расшифровал Наставник обе аббревиатуры. — Помню. Гениальный эвфемизм. Оцифрованные мысли, поступки по алгоритму, жизнь по программе. Записали PIN на DOS, стерли PIN с DOSa, — кто заметит?

— Но мы же работаем над этим, — улыбнулся Нестор. — Над тем, чтобы люди перестали быть PINDOSами и снова вернули себе человеческий облик.

— Работаем, — согласился Наставник. — Но и сой стороны работа не прекращается.

Кир обхватил кружку пухлой дланью, осушил в два глотка и потянулся за второй, полной. Немного помолчав, Наставник спросил:

— Отдохнул?

— В процессе, — не соврал Нестор. — Но по ночам уже не кричу.

— Пора двигаться дальше, — не то попросил, не то приказал Наставник.

Нестор не возражал — раз надо, значит, надо. После достопамятной битвы оставшихся в живых Нагов можно было счесть по хвостам. Безусловно, перевоплощались, как и прежде, неофиты;

малочисленные Наставники вели одновременно несколько линий, что в другое, менее тревожное, время было редким исключением. Штат Конторы понемногу восполнялся. Но бесценный опыт тех хмурых дней превратил Нагов, вышедших из пепла, в незаменимых сотрудников, в настоящих ветеранов Раджаса. И работы для «стариков» было много. Тонкой, деликатной работы, которую никак нельзя было бы доверить недавно «сыгравшим в прятки» новичкам — в виду недостатка у них квалификации. Так что Нестор был благодарен за столь долгий отпуск и воспринимал эти тихие дни в семье как щедрый подарок Раджаса и судьбы.

А теперь отпущенный для отдыха срок истек и пора было двигаться дальше. Осталось только спросить — куда. И Нестор спросил, и Наставник ответил.

— У Вас, Нестор Иванович, — официальным тоном предупредил Кир, — завтра свидание.

— Завтра? — поморщился Нестор. — Воскресенье все-таки. Нина ворчать будет.

— Совсем не отпустит? — посочувствовал Кир. — Даже будучи предупреждена, что муж идет по важным змеиным делам?

— Отпустить-то отпустит, — вздохнул Нестор. — И даже выкажет уважение и сделает вид, что прониклась, что верит в значимость и ответственность моих «змеиных» дел.

— Но? — подхватил Кир.

— Но все равно решит, что я пошел по бабам, — закончил Нестор.

Кир рассмеялся, хлопнув ладонями по объемным бедрам.

— Мой друг, ваша жена — прелесть! По бабам! Какое чудо! Жена дома — женщина, а женщина вне дома — баба. Какой претенциозный транспондер! Так в Древних Греции и Риме делили весь мир на эллинов и варваров. Славяне в древности говорили «не мы — немцы», — ну, или как-то похоже — и делили мир на своих, говорящих, и «немцев», немых. Какое тонкое родовое чутье встроено в женщинах вообще и в Нине в частности! Какое чудо! Просто миракль, а не чудо! — стукнули бокалами, выпили за жен. — Знаю, что мы сделаем! — вдруг просветлел Кир. — Мы перенастроим их транспондеры. Обогадим их, так сказать, совместным опытом.

— Познакомим наших жен? — догадался Нестор.

— Именно, мой друг! Никак иначе! — энергично закивал Кир. — Все равно я напросился на кошку смотреть. Как там ее зовут?

— Кошку? — удивился Нестор вопросу. — Кошку зовут Ка-Це.

— Ка-Це, значит, — Кир «попробовал» кошачью кличку на вкус и усмехнулся, оценив

масштаб иронии. — Вот соберемся по-свойски, чатланами, гравицапу откроем и обе наши бандуры — Нину и Ларису — настроим в одной тональности.

Вновь став серьезным в следующее мгновение, Кир продолжил:

— Уверен — Нина простит мужа за отсутствие. Но воскресная встреча должна состояться обязательно, не взирая на женский форс-мажор.

— В Конторе? — смирился Нестор. — Или здесь, в «Варяке»? С кем встреча?

Наставник хитро улыбнулся.

— С напарником. Вам предстоит встреча с напарником.

— Играем сцену из гангстерского боевика? — Нестор был полон скепсиса.

— Думаю, таких боевиков еще не снимали, — заверил Кир. — После этой встречи любой уже виденный боевик Вам покажется пресным.

— Интрига! — оценил Нестор.

— Еще какая! — подтвердил Кир. — Впоследствии вы будете встречаться и в Конторе, и здесь, и даже дома, на Кисельной. (Нестор удивленно поднял бровь, Кир утвердительно кивнул). Но первая встреча символична. Ее попросили провести в конкретном месте. Не в «Варяке» — Ваш визави слишком изыскан для

пива.

6

— Попросили? — переспросил Нестор — Как всегда, «с самого Дна»?

Кир покачал головой, не торопясь отвечать.

— Помните дегустационный зал в «Доме Диониса»? — спросил Наставник вместо ответа.

— Знаю, что он там есть, — кивнул Нестор. — Но сам не был никогда. Там, насколько я знаю, даже не готовят. Несколько столов, вино, нарезные деликатесы, маслины да сыры. Дорого все. И сомелье-павлины. Не мой стиль. Не разбираюсь в винах.

— Ничего, — успокоил Кир. — Она разбирается.

— Она?

— Ваша спутница. Ваш напарник.

— Не Наг? Просто женщина? — Нестор был озадачен.

— Разве бывают «просто женщины»? — пристыдил Наставник.

— А если без куртуазной философии? Кто она? — нетерпеливо потребовал Нестор.

— Не знаю, — честно признался Кир. — Кто угодно. Кого изберут. Без сомнения — из знакомых. Может, Антонина Николаевна...

— Директор моей школы!?

Кир только пожал плечами.

— Может, Нина...

Тут Нестор совсем опешил. Закралось какое-то нехорошее предчувствие.

— При чем тут моя жена? Это же дела Раджаса.

— Не только. Это дела всех миров Трилоки. Твоим напарником...

— Напарницей, — исправил Нестор почти раздраженно.

— Твоей напарницей, — не возражал Кир, — будет не агент Раджаса. И не просто женщина. Твоей напарницей будет представительница Саттва.

Прозвучали настолько невероятные вещи, что Нестор даже не смог удивиться. Его напарницей никак не могла быть агент Саттва. Просто потому, что в Саттва не было никаких агентов. И не могло быть.

Миры Трилоки лишь называются мирами. В действительности все они — все многообразие Вселенной — представляют собой единую всепроникающую гармонию. Любой артефакт этого гармоничного поля, любая акциденция, любое явление — триедины, поскольку сотканы из нитей трех миров, трех типов, трех «пород», трех качеств-гун.

Прочную основу вселенской гармонии

составляют черные нити Тамаса — мира тишины и спокойствия, мира бездействия, мира памяти и тьмы, где все ценное и полезное хранится вечно, а все ненужное — уничтожается безвозвратно. Тамас не терпит суеты. Это мрачный архив Вселенной, ее таинственные подземелья, бездонные, бескрайние, как сам космос.

Нити Раджаса пронизывают ткань Вселенной деятельным огнем. Все, что происходит, движется, претворяется и перевоплощается, наполнено активной энергией этого мира. Наги, от Первого до Седьмого дна, — верные и незаменимые агенты Раджаса. Они стоят на страже гармонии. Умелое, тактичное, а порой (как показали события у горы Меру, у Мирового дерева) и жертвенное участие Нагов — надежная гарантия того, что та или иная Взвесь не осядет илом прежде уготованного ей времени.

Искусный узор Саттва неотделимо вплетен в основу вселенской ткани. Это сияние творческого замысла, неосязаемость духа, свет чистого разума, первопричина. Искра, необходимая для того, чтобы запылало пламя Раджаса, постепенно превращая все в золу Тамаса. Саттва — слово, Раджас — дело, Тамас — бездействие.

Замыслам, что порождены сияющим миром Саттва, для воплощения необходимы Наги — агенты Раджаса. «Агент Саттва» — словосочетание

немыслимое, абсурдное. Оно звучало, подобно сказке о том, что вчера в гости заходило государство и приглашало на чай к религии. Два этих слова вместе — Саттва и агент — Нестор воспринимал как несуразный троп, как фигуру речи, как забавную аллегория, что-то вроде «Носа» Гоголя или обращения Алисы к собственным ногам. «Агент Саттва» — все равно что «ум улыбнулся» или «мысль ударила», не в переносном значении — «неожиданно пришла в голову», а в прямом — ударила, скажем, в глаз.

Но Наставник сказал, что его напарницей будет агент Саттва. Нестор ждал объяснений. И ожидание это длилось уже полторы кружки. Наконец Нестор решил сам прервать молчание:

— О каком агенте Саттва идет речь? Вы же сами учили меня: проявления Саттва во Взвеси иные, нематериальные. Это абстракция, дух, замысел. Не знаю — гений, муза, свет, в конце концов. Нельзя же, чтобы свет заговорил?

Кир усмехнулся:

— Выходит, можно. Считаю, что на некоторое время ты обзаведешься персональной музой.

— Музой во плоти?

— Музой в чужой плоти, — добавил Кир. — У нее не будет — как бы точнее сказать? — собственного тела.

Нестор вопросительно промолчал.

— Твоей напарницей будет женщина, — ответил Кир на немой вопрос. — Знакомая тебе женщина. Не обязательно одна и та же женщина. Разные. Но знакомые тебе — тут нужен контакт.

— Как во время «работы совестью»? — Нестор задал вопрос неосознанно, его мысли были спутаны.

— Именно! — обрадовался Наставник удачному сравнению. — Только ты «работал совестью» во сне Юджина Гуляйкоффа, а агент Саттва будет «работать музой» в твоём бодрствовании.

— Значит, моя напарница будет принимать образ одной из моих знакомых? — наконец-то уяснил Нестор. — Любой из них? По своему усмотрению? Чтобы нам было проще, — тут Нестор замялся, подбирая нужное слово, — чтобы было проще взаимодействовать?

Кир тяжело вздохнул.

— Все еще сложнее, — Наставник сделал жест, как бы сметая со стола все ложные выводы своего подопечного. — Никто не будет принимать ничей облик. Никакого обмана. Ты будешь «взаимодействовать» с реальной женщиной.

— Давайте-ка я обновлю у Тамары, — беспомощно предложил Нестор. Ему нужен был тайм-аут.

Кир не возражал, и Нестор почти бегом

направился к спасительной стойке — в юности, на дружеских посиделках, такой поход от стола к стойке называли по-особому: «метнуться кабанчиком». И вот Нестор «метнулся кабанчиком» за пивом для себя и Наставника, чтобы использовать выигранный десяток минут для передышки. Нужно было восстановить силы — собрать воедино разбежавшиеся мысли. Выходит, некое проявление мира Саттва будет на неопределенное время брать займы, в аренду, женские тела из Несторова окружения? Вместо Нины, например, Нестор будет разговаривать с маловнятным, чуждым естеством из абстрактного мира идей и замыслов? Свершать совместные дела, проводить время, контактировать, зная, что за знакомым, привычным обликом близкого человека таится далекое, пугающее нечто?

Нестор настолько ушел в себя, что не сразу смог вернуться в обыденный зал «Варяка».

— Ау! — звала Тамара. —
Стынет-оседает-ждет!

— Что? — очнулся наконец Нестор.

— Пиво стынет, пена оседает, Ваш приятель нетерпеливо ждет, — повторила Тамара из-за стойки.

Нестор поблагодарил, рассчитался и направился к столу со свежим грузом — уже не кабанчиком, а тихим ходом.

Кир уже собирался уходить: он складировал на деревянной столешнице мятые купюры, готовясь к окончательному расчету с Тамарой. Поэтому «по последней» выпили быстро, сосредоточенно. Вернее, выпил Кир. Нестор решил не торопиться.

— Салфетку спрячь, — сказал Кир, аккуратно сдвинув наследие Семена Немировича Волха в сторону своего собеседника.

— Я же Вам принес, как память, как сувенир. Может, в Раджасе есть специальное место для таких вещей, — попытался возразить Нестор.

— Музей подарков? Как в передаче «Поле чудес»? — Кир весело рассмеялся. — Нет такого музея. Есть оружейный склад. И этому артефакту именно там и место.

Нестор вспомнил, какую роль сыграли несколько таких салфеток в битве при Иггдрасиле и согласился:

— Тем более. Я же потерять могу, выкинуть случайно, использовать просто — как салфетку. Или сработает случайно, навредит кому-то. Зачем мне такая ответственность?

— Считай, что сдал в арсенал и снова получил для оперативного владения. Под роспись! — по возможности строго сказал Наставник и Нестор

послушно вернул салфетку в карман планшетки. — Кстати, сегодня в моем кабинете получишь и другие полезные вещи. Инструктаж пройдешь. Тебе предстоят напряженные будни.

Нестор ощутил, что беспокойство настойчиво просится в гости, — знал он эти «полезные вещи» и «напряженные будни». Но Наставник снова рассмеялся, чем отвлек от тревожных мыслей.

— Обожаю филологов! — Кир хлопнул себя по бедрам. — Глянь, что выцарапали. Точно такое же творчество видел в аудитории филфака, на задней парте. Даже почерк похож.

Нестор взглянул на столешницу. На том месте, где только что лежала салфетка Волха, под треснутым лаком покрытия было даже не выцарапано, а как будто выдавлено дугой прибора для выжигания:

*«Холодно и зябко
Маленькой макаке.
Прилипают каки
К волосатой сраке».*

И рядом с этой нравоучительной притчей была нарисована жалостливая обезьянья рожица — мохнатая, с сосульками на оттопыренных мочках.

— Заметили, какая чудная аллитерация? — восторгался Кир.

— Нет, — честно признался Нестор.

— Ну, как же! Такое чуткое чередование звуков «Л» и «К»! — Кир проиллюстрировал свои слова, несколько раз ткнув розовым пальцем в выжженную надпись. — Даже если слов не знаешь — проникнешься определенным чувством.

— Каким чувством? — терпеливо спросил Нестор.

— Вот все время забываю, что Вы не филолог! — спохватился Кир.

— Я историк, — напомнил Нестор, — но тоже интеллигентный человек.

— Конечно-конечно, — согласно закивал Кир. — Без сомнения! Но труды Потебни не читали? Александра Афанасьевича? Его записки о народности языка, о его поэтике, о связи слова и мысли?

Нестор честно признался, что не читал, но пообещал восполнить этот пробел.

— Обязательно восполните! — распорядился Кир. — Вам как историку просто необходимо иногда уходить от скучных дат, фактов и событий и стараться взглянуть на исторические процессы шире — через анализ первоосновы. А что является первоосновой любой исторической активности? — лукаво спросил Наставник.

— Что? — так же лукаво подыграл Нестор.

— Конечно же, язык! — радостно заявил

Кир. — Язык, речь — первооснова любого проявления народной духовности, культуры. И стало быть, именно язык лежит в самом основании всех исторических процессов.

— Я бы поспорил, — с сомнением возразил Нестор.

— И даже не смейте! — Кир шлепнул ладонью по облупленному лаку столешницы. — Это я Вам как Наставник говорю!

— Так что там со звуками? — примирительно напомнил Нестор.

— Звук «Л» случает, льнет, прилипает, ласкает, намекает на близость. И звук «К» кроит на куски, дает ощущение конечности и контакта.

— Это куски каких льнут? Контактируют, так сказать, со сракой? — уточнил Нестор.

— Как-то так, — кивнул Кир.

— Бред какой-то, — пожал плечами Нестор. — Обычные звуки. Никуда не льнут, ничего не кроят. Пока в слова не лягут. Этим, что ли, филологи занимаются?

— И этим в частности, — подтвердил Наставник.

— Сплошные допущения и выдумки, — пренебрежительно заметил Нестор. — История — наука конкретная.

— Да, уж! Конкретнее не бывает, — усмехнулся Кир. — Думаю, допущений и выдумок

в исторических науках не меньше. Кроме того, тебе нужно раздвигать границы мышления, подходить к вопросам с более абстрактных позиций.

— Зачем? — решил уточнить Нестор.

— По зову службы, по роду дела, — пояснил Наставник. — Чтобы найти общий язык со своей будущей напарницей. Не помешало бы тебе кое-что узнать о воплощениях мира Саттва в иллюзорном мире Взвеси.

— Я весь во внимании, — Нестор мимикой показал, как он теперь деловит и сосредоточен.

— Вечером, все вечером. В Конторе, — Наставник решительно встал из-за стола; его слегка качнуло. — Ноги засидел, — поморщился он.

Нестор допивал пиво, уже выдохшееся, нагретое теплом ладони до комнатной температуры, и наблюдал, как Кир рассчитывается у стойки, прощается с Тамарой и направляется к выходу. Скоро маятник широкой Кировой спины скрылся за дверью. А Нестор все сидел, упиваясь шумным спокойствием «Варяка», этим ровным умиротворением пивной, и думал. Думал о многом — о конкретном и абстрактном. Абстрактные свои мысли Нестор не доверил бы записать даже самому умелому филологу. А конкретная мысль была одна — повторить ли «Баварское»?

Зоенька сияла. Она уже вскрыла тонкий целлофан упаковки и держала зеленый халат так, чтобы Нестору было как можно удобнее нырнуть в рукава руками. Амарантовый пояс был перекинут через изящное плечико девушки (оба ее плечика были скрыты таким же зеленым халатом). Зоенька, как всегда, излучала счастье и готовность служить, заливая этим лучистым сиянием коридоры Раджаса. Это экзальтированное состояние радости при каждой встрече оставалось для Нестора загадкой: является ли этот накал позитивных эмоций лишь демонстрацией профессионализма или это действительно искреннее проявление чувств?

Начинался ритуал, который они разыгрывали каждый раз при посещении Нестором Конторы. Нестор исчезал у самого входа-выхода, перед стойкой выдачи униформы. Некогда Зоенька начинала свою змеиную карьеру именно здесь, за стойкой, в должности младшей кастелянши. Пылающие, бурные события тех дней скоростным лифтом переправили Нестора с Первого дна на Четвертое, а Зоеньке позволили приступить к такой престижной и желанной службе в роли личного эскорта у «молодого и перспективного» (по словам начальства) Нага.

Так вот, всякий раз, являясь в коридоры Раджаса, Нестор использовал одно из умений Нага

Четвертого дна — он становился невидимым, исчезал и неожиданно материализовывался уже облаченным в халат-униформу. Зоенька, всякий раз взвизгивала от восторга и быстро опоясывала своего «шефа» амарантовым поясом.

Когда-то дорога в Раджас открывалась для Нестора исключительно по зову проводника — маленького бессловесного ужика, которого присылал Наставник за своим подопечным. Входом в один из миров Трилоки могли служить любые подземные лабиринты, не созданные руками человека: муравьиные лазы, кротовые норы или пещерки тарантулов. Но тогда, девять месяцев назад, Нестор был Нагом Первого дна, подпоясывался бирюзовым поясом и обладал лишь одним Наговым умением — умением перевоплощаться.

Цвет пояса Нага Первого дна никак не отличался по тону с цветом халата. Но халат был зеленым, а пояс, «цветовой индекс социальной дифференциации», выполнявший ту же функцию, что и штаны у жителей планеты Плюк, — именно бирюзовым.

Важность такого номинативно-семантического различия неоднократно подчеркивал Кир в наставнических проповедях. Нестор так до конца и не разобрался в истинных мотивах этого разграничения. Он знал лишь то, что зеленый халат — это просто

униформа, общая для всех в Конторе, а вот пояс — совсем другое дело. Цвет пояса выражал самую первооснову Нагова естества, совпадал с цветом кожи своего носителя (в состоянии перевоплощения) и одновременно являлся символом самого главного свойства, которое, собственно, и отличало Нагов от обычных людей: умения «смотреть душой», благодаря чему видеть исключительную суть предметов, явлений, событий.

Когда Раджас реализовывал глобальный проект по инициации и воспитанию Юджина Гуляйкоффа, будущего социолога, изобретателя брендденга, Нестор был понижен до Второго дна. Лишь на Втором дне Наг обретал необходимые для выполнения возложенной на Нестора миссии умения: «работать совестью», посещать чужие сны и пользоваться тем гипнотическим воздействием, которое так эффективно опробовал удав Каа на бандерлогах. Тогда Нестору был вручен турмалиновый пояс, но опоясываться турмалином довелось всего на протяжении нескольких дней.

Инициация Юджина Гуляйкоффа — или Жени Гуляйкова, ученика девятого класса — побудила иерофантов к активным действиям. Вбросами вирусной информации исполнители иерофантов раскачали Тамас, мрачный архив памяти, не терпящий никаких возмущений. Кроме

того, псевдожизнью было наделено мерзейшее существо, Деньгон, — «ментальная проекция сути денежного оборота в мир иллюзорной реальности», как охарактеризовал его тогда Наставник. Все Наги были призваны на защиту Взвеси от роковых изменений, грозящих иллюзорному миру Бытия катастрофой. Нестор вышел — вернее, примчался на верном кастоме «Змее» — на битву у мирового дерева Нагом Третьего дна. Каждый Наг, достигший третьего дна, пополнял арсенал умением применять в бою смертоносный змеиный яд. Однако терракотовый пояс Нестору так и не удалось примерить.

После битвы те немногие Наги, что сумели избежать гибели в липких оковах торсионных нитей, в гнилостных объятиях городских магов, в ненасытной пасти черной имитации Дракона, обрели не только опыт, который невозможно переоценить, но и внеочередные понижения. Так Нестор в четвертый раз выпил бокал амриты и получил амарантовый пояс Нага Четвертого дна, а вместе с этим — весьма полезное умение неожиданно исчезать и так же неожиданно появляться в случае необходимости или по собственной прихоти.

И еще один важный навык проявлялся при получении такого высокого — или, в терминах Конторы, низкого — статуса: проникновение в